

ОРИГЕНЬ И ЕГО ПРОПОВѢДИ.

Въ исторіи христіанской литературы, въ ряду другихъ многочисленныхъ дѣятелей, съ поражающимъ величіемъ выдвигается на видъ симпатическая фигура Оригена. Рѣдкій человѣкъ совмѣщаль въ себѣ такъ много достоинствъ и такъ много привлекательныхъ чертъ, сколько совмѣщаль въ себѣ тѣхъ и другихъ этотъ замѣчательнѣйшій писатель III вѣка. Съ пениемъ его соединяется представляющіе о человѣкѣ необыкновенно сильнаго и крѣпкаго духа, возвышеннаго и смѣлаго философскаго ума, адамантоваго трудолюбія, огромной учености и изумительно плодотворной авторской дѣятельности. Сила мысли и учености создала ему необыкновенный авторитетъ, при которомъ онъ въ третьемъ вѣкѣ является центромъ умственно религіознаго движенія во всѣхъ областяхъ христіанскаго званія, и изъ третьяго вѣка его вліяніе простирается не на одно послѣдующее поколѣніе. Великій въ теоретическомъ отношеніи, Оригенъ не менѣе замѣчателенъ и въ нравственной области. У него чистое религіозное настроеніе, полное пылкой ревности по вѣрѣ и добродѣтели; его нравственныя стремленія вызываютъ удивленіе даже тогда, когда уклоняютъ его волею съ праваго пути къ крайностямъ. Умственное превосходство его предъ другими давало ему право на высокое самочувствіе; но онъ нигдѣ не заявляетъ этого самочувствія, а всегда поражаетъ тѣмъ смиреніемъ, съ какимъ онъ смотрѣлъ на себя, и тою близкою скромностію, съ какою онъ высказывалъ свои смѣлыя и возвышенныя идеи. Къ врагамъ, къ иномыслицамъ у него не было горечи и ненависти, а самая мигкая снисходительность.

Труды Киевск. Академіи. 1879 г. т. I.

Всеми признанныя заслуги его для общества могли бы связать ему хорошее матеріальное обезпеченіе; но безкорыстный, онъ отказывается отъ всего излишняго и налагаетъ на себя аскетическое самоограниченіе, такъ гдѣ насущныя потребности требуютъ себѣ удовлетворенія.

Но своимъ талантамъ Оригенъ принадлежитъ къ числу тѣхъ избранныхъ Провидѣнія, которымъ оно сообщаетъ свои дары въ доступномъ для человѣка обиліи для произведенія великаго въ жизни и исторіи. И онъ не оставилъ въ небреженіи данныя ему таланты, а при своемъ неустанномъ трудолюбіи развилъ ихъ до возможной полноты и держалъ свои силы въ вѣстномъ напряженіи. Правда, онъ не проходилъ правильнаго длиннаго и широкаго курса ученія, подобно Василию Великому, Григорію Богослову или нашимъ современнымъ ученымъ, но недостатокъ школьнаго ученія онъ замѣнилъ своею самодѣятельностію, и едва-ли кто изъ учителей церкви превосходилъ его множествомъ и разнообразіемъ познаній. Первые уроки онъ получалъ у своего отца, благочестиваго христіанина и образованнаго ритора, и этотъ первый учитель его склонилъ его вниманіе къ божественной книгѣ, содержащей откровенную и свягую истину, и заставлялъ его каждодневно учить наизусть замѣчательныя отдѣлы библіи. Проблески возвышеннаго ума проявлялись у Оригена еще въ самые первые годы его развитія, и будучи мальчикомъ, при чтеніи и изученіи Псалма, онъ обращался къ отцу съ такими высокими вопросами, которые приводили въ изумленіе опытнаго учителя и заставляли его ограничивать и сдерживать преждевременныя полеты юнаго ума. Отецъ Оригена скончался смертію мученика, когда Оригену было шестнадцать лѣтъ, и въ наследіе Оригену оставилъ горячую ревность по вѣрѣ, съ которою онъ не расставался во всю жизнь, и которую готовъ былъ запечатлѣть кровью выѣсть съ отцемъ своимъ. Послѣ отца наиболѣе сильное вліяніе имѣлъ на Оригена Климентъ александрійскій. У этого учителя христіанскаго находили удовлетвореніе возвышенныя

порывы пылкаго ума. Привыкнувъ углубляться въ сущность вещей и искалъ за буквою Писанія особеннаго таинственнаго смысла, онъ утвердилъ Оригена въ направленіи, такъ сочувственномъ его полетистой мысли,—не довольствоваться видимостію вещей и буквою Писанія, а всюду пропирать до сокровенной сущности, до глубокаго, не съ разу и не вѣрять открывающагося, смысла. Философъ, проведшій все философскія школы, эклектикъ, отсюду извлекающій доброе и цѣнные матеріалы для сооруженія храма истины, онъ внушалъ Оригену уваженіе къ разностороннимъ знаніямъ и содѣйствовалъ образованію въ немъ характера, чуждаго всякой исключительности и односторонности.

Самостоятельнымъ дѣятелемъ мы видимъ Оригена въ такіе молодые годы, которые для другихъ служатъ временемъ воспитанія и школьнаго приготовленія къ будущему служенію обществу. Съ восемнадцати лѣтъ наступаетъ періодъ его самостоятельной общественной дѣятельности въ александрійскомъ огласительномъ училищѣ, и съ перваго же выступленія своего на поприще первоначальнаго учительскаго служенія онъ является не дюжиннымъ учителемъ, а такимъ вѣрнымъ и сильнымъ, какого только могло желать славное училище христіанское: у всѣхъ онъ возбуждаетъ къ себѣ вниманіе и уваженіе не менѣе знаменитыхъ своихъ предшественниковъ—Папена и Климента, и собираетъ къ своей кафедрѣ толпы не однихъ христіанъ, но и образованныхъ язычниковъ, и побѣдоносно ведетъ сознанія съ невѣрующими во Христа, надменными философскою мудростію. Цѣлкій и ретивый въ силу своей молодости, онъ чувствуетъ, особенно при борьбѣ съ прогнаниками, что не обладаетъ полнотою знанія, и потому, не оставляя должности учителя, самъ усердно учится. Ему не хотѣлось уступать въ чемъ либо людямъ, гордымъ своею образованностію и съ высока смотрѣвшимъ на вѣру христіанъ, и онъ, вѣрный духу и завѣту Климента, тщательно изучаетъ различныя системы иноумисленничьихъ, чтобы знать силу и слабости каждой изъ нихъ

и чтобы при столкновении съ чуждыми убѣжденіями, успѣшнѣе дѣйствовать противъ нихъ ихъ же оружіемъ. Прочѣтала въ то время въ Александріи школа Аммонія Саккоса, учителя глубокомысленнаго Плотина, и Орпгенъ, самъ учитель, посвящаетъ уроки знаменитаго философа, и Аммоній могъ гордиться такимъ ученикомъ не менше, какъ и Платиномъ.

Такое соединеніе учительства съ самообразованіемъ и умноженіемъ знаній продолжается у Орпгена не годъ и не два, а цѣлую жизнь. Вся жизнь его—одна непрерывная трудъ. Онъ не знаетъ развлеченій, крадущихъ едва не половину времени, даннаго намъ въ распоряженіе, съ неохотою и сожалѣніемъ отдавать малую часть ночи слу, необходимому для оживленія и подкрѣпленія силъ нашихъ. Все дни его похожи одна на другой; послѣ утренней молитвы и богослуженія, онъ открываетъ книгу Писанія и оживляетъ въ своей памяти тотъ или другой отдѣлъ его; затѣмъ онъ или въ училищѣ разъясняетъ оглашеннымъ и вѣрующимъ какой либо членъ христіанскаго ученія и разрѣшаетъ представляемыя ему недоумѣнія, или въ частныхъ собраніяхъ спорить съ философами, еретиками, съ людьми презирающими шпшную простоту христіанской вѣры, или бесѣдуетъ съ любителями знанія, желающими обмѣниваться съ другими своими пріобрѣтеніями и увеличивать ихъ, и обогащаетъ себя опытами и свѣдѣніями другихъ. Вечеръ и большую часть ночи онъ, отпавшая у сна, посвящаетъ умышленной работѣ для усовершенствованія и увеличенія своихъ знаній и для учено-литературной дѣятельности: дома, въ часы ночной тишины, онъ то читаетъ манускрипты, то списываетъ произведенія греческихъ классиковъ, то изучаетъ еврейскій языкъ, то сравниваетъ библейскій текстъ въ разныхъ спискахъ и переводахъ, то размышляетъ о предметахъ вѣднія человеческого и погружается мыслію въ вопросы христіанскаго лобомудрія, то диктуетъ скорописцамъ свои толкованія Писанія или другія замѣчательныя произведенія своего творческаго генія.

Любознательность Оригена обнимаетъ всю широту современнаго ему образованія. Всѣ гуманитарныя науки, составлявшія цѣль тогдашнихъ знаній, ему извѣстны, и каждую изъ нихъ онъ въ состояніи преподавать. Тотчасъ послѣ смерти отца, еще до вступленія въ должность учителя оглашенныхъ, Оригенъ только что переступившій шестнадцатилѣтній возрастъ, уже занямасть преподаваніемъ словесныхъ наукъ и тѣмъ снискиваетъ себѣ пропитаніе. И въ огластительномъ училищѣ Оригенъ не довольствовался изъясненіемъ вѣры, а сообщалъ и свѣдѣнія, относящіяся къ кругу общихъ свѣтскихъ наукъ (τὰ ἐγκόσμια) и разбиралъ мнѣнія философовъ. Только послѣ, когда чело ученяковъ его умножилось и онъ увидѣлъ осложненіе задачи, подлежащей ему въ училищѣ, онъ раздѣлилъ свои занятія съ другомъ своимъ Иракломъ, вмѣстѣ съ нимъ слушавшимъ уроки у Аммонія, и предоставивъ ему веденіе низшаго курса, себѣ оставилъ сообщеніе высшихъ знаній, чтобы имѣть больше свободы въ трудѣ и больше возможности вести своихъ слушателей по всей области греческой философій къ лучшему пониманію таинъ вѣры и божественнаго Писанія. Свѣтскія науки не всѣ одинаково цѣнили Оригенъ. Τὰ ἐγκόσμια—геометрія, ариѳметика, грамматика, реторика, физика, астрономія были въ его глазахъ приготовительными знаніями, ступенями къ храму мудрости. Изъ общихъ знаній болѣе всего привлекали его философія, и въ ней онъ обнаруживалъ такую силу, что сами язычники, по свидѣтельству Евсевія ¹⁾, называли его великимъ философомъ. Но самая философія, въ которой великъ и силенъ былъ Оригенъ, не была для него послѣднею цѣлью его стремленій. Она была въ его глазахъ такимъ же приготовительнымъ знаніемъ къ божественной христіанской мудрости, каковымъ считали по отношенію къ философій другія низшія науки, составлявшія „τὰ ἐγκόσμια. Потому здѣсь—въ христіанской мудрости и

¹⁾ Ист. Евс. VI, 19.

ея источникъ св. Писаніи сосредоточено главное его вниманіе. Сюда направлены какъ его учительскіе, такъ и ученые труды. Онъ изслѣдуетъ текстъ его, углубляется въ смыслъ его, толкуетъ его содержаніе и извлекаетъ изъ него данныя для своего высокаго проясненія. Вместе съ тѣмъ въ школахъ и въ частныхъ ученыхъ бесѣдахъ къ божественной книгѣ направляетъ онъ вниманіе своихъ слушателей, вводитъ ихъ въ ея высокое разумніе, изъ нея извлекаетъ и на ней построиваетъ свои положенія и правила, сообщаемыя ученикамъ.

Въ Александріи, центрѣ тогдашняго образованія, провелъ Оригенъ первую и большую половину своей жизни, и какъ богатыми средствами своего отечественнаго просвѣщеннаго города онъ воспользовался для своего самообразованія, такъ и своей родиной посвящаетъ первоначально свою дѣятельность. Нарѣдка онъ оставилъ Александрію для болѣе или менѣе отдаленныхъ путешествій, увлекаемый то любознательностію и желаніемъ видѣть славныя церкви, то приглашаемый другими, прибѣгавшими къ его уму и авторитету для улаженія споровъ и устроенія запутанныхъ дѣлъ, то вынуждаемый обстоятельствами. Но отпуская на время своего учителя, александрійская церковь не думала разстаться съ нимъ, и когда Оригенъ утвердилъ было свое пребываніе въ Кесаріи палестинской, скрывшись туда отъ бѣдствій междоусобной войны, возгорѣвшейся въ Александрію, и удерживаемый тамъ любовію и расположеніемъ кесарійскаго епископа, Димитрій, епископъ александрійскій и письмами и чрезъ нарочито посланнаго діакона вызывалъ его въ Александрію, и Оригенъ не замедлилъ возвратиться въ любезный ему отечественный городъ. Но когда во время путешествія Оригена въ Ахайю (въ 228 году) кесарійскій епископъ Теокистъ, полный глубокаго уваженія къ талантамъ, знаніямъ и благочестію знаменитаго александрійца, посвятилъ его въ пресвитера, Александрію, ревнивая къ тому почету, какой оказывали ея учителю чужія церкви, обнаружива къ нему не

совсѣмъ доброжелательное чувство. Димитрій, епископъ александрійскій, завидуя необыкновенному авторитету Оригена, вспомнилъ грѣхъ его юности, и на мѣстномъ соборѣ призналъ его недостойнымъ преевнтерскаго сана и отлучилъ отъ церкви. Тогда Александрія стала чужимъ городомъ для Оригена, и для него начинаются годы странствованія. Въ Кесаріи палестинской, подъ покровительствомъ тамошняго епископа, онъ нашелъ новую для себя родину; но онъ при этомъ не сдѣлался неотлучнымъ членомъ церкви Кесаріи палестинской. Онъ живетъ некоторое время и въ Иерусалимѣ и въ Кесаріи впадокійской, являетя и въ Римѣ, и въ Аѳонахъ, и въ Антиохіи, Никомидіи, Бострѣ, Тирѣ. Вездѣ, гдѣ онъ является Оригенъ, онъ не оставляетъ ничего, что могло бы увеличить сумму его познаній,—ростетъ въ бібліотекахъ, разсматриваетъ и собираетъ манускрипты; входитъ въ сношенія съ учеными людьми, ходя бы они принадлежали къ язычникамъ.

Учительская дѣятельность Оригена не свилана была съ организательнымъ училцищемъ въ Александріи. Вездѣ, гдѣ онъ являлся этотъ широкій и многообъемлющій умъ, вокругъ него образуется школа: каждый домъ, гдѣ жилъ онъ, былъ училцищемъ. Сила его ума и знанія, какъ магнитъ, привлекала къ нему и удерживала при немъ любовнательныхъ. Когда онъ жилъ въ Кесаріи палестинской, онъ не думалъ основывать здѣсь школы. Но къ нему собираются и около него группируются люди, желавшіе позаимствоваться отъ избытка его знаній, и онъ не заперается отъ такихъ лицъ въ уединеніи своего кабинета,—и вотъ образуется школа, пожалуй, не похожая на наши формальныя школы, но подобно имъ распространяющая образованіе. У этой школы свободный, открытый характеръ; въ нее не принуждаютъ ходить учениковъ, и этими учениками являются не дѣтя, а болѣе или менѣе зрѣлые взрослые люди. Учитель не задаетъ имъ уроковъ, а только бесѣдуетъ съ ними о предметахъ вѣдѣнія человеческого. Но вліяніе этихъ бесѣдъ было сильное

и непреодолимое: оно мѣняло убѣжденія и нравы, вводило въ царство Божіе людей, прежде не готовыхъ и упорныхъ, и до того укрѣпило ихъ въ новомъ направленіи, что они безъ страха и колебаній стремились къ мученическому вѣнцу. Случайно были въ Кесаріи два знатные понтійца, — Теодоръ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ св. Григорія Чудотворца, и братъ его Аѳинадоръ. Они стремились въ Беритъ изучать римское право въ тамошнюю юридическую школу. Но узнавъ о пребываніи въ Кесаріи знаменитаго христіанскаго философа Оригена, они пожелали познакомиться съ нимъ, и первая бесѣда его съ ними заставила ихъ забыть и Беритъ и римское право, и они начали трудиться подъ руководствомъ Оригена для познанія и овладѣнія верховнымъ благомъ, живя при немъ неотлучно нѣсколько лѣтъ. По слову св. Григорія Чудотворца ¹⁾, она оказались, какъ птицы, пойманныя въ клетку, или какъ рыбы, попавшія къ сѣтѣ, лишь только немного послушали Оригена, и въ своей прощальной рѣчи, сказанной при разставаніи съ Оригеномъ послѣ многолѣтняго пребыванія при немъ, Григорій Чудотворецъ объясняетъ тайну непобѣдимаго вліянія Оригенова. Эта тайна разрѣшается необыкновенною силою и особенною пріятною мягкостію его ума. „О предметахъ, подпадавшихъ его слову, онъ разсуждалъ (говоритъ св. Григорій Чудотворецъ ²⁾), ни, мало не показывалъ вида человѣка, который старается привести въ замѣпательство или сконфузить своихъ противниковъ. Его сужденія были полны силы, но онъ представлялъ ихъ съ такою пріятностію, что ему невозможно было противостоятъ и не покоряться. Его бесѣды воспламенили мое сердце и проникли его самою живою страстію столько же къ ученію, сколько и къ учителю. Моя душа прильнула къ его душѣ, какъ душа Іоваана къ душѣ

¹⁾ Τοῦ ἀγίου Γρηγορίου τοῦ Θεολογοῦ ἐπὶ Ὀριγῆτι προσφωνητικὸς καὶ πατρυρικὸς λόγος. с. VI. Patr. е. с. T. X. col. 1069.

²⁾ Ibidem. col. 1069—73 с. XV. col. 1093—6. с. XVI. col. 1096.

Давида... Въ особенностях (замѣчаетъ Григорій) онъ былъ превосходенъ въ разумѣніи священныхъ книгъ. Самъ Духъ святой избралъ его въ достойные толкователи своихъ священныхъ прореченій. Никто, какъ бы ни былъ упоренъ, никто не противостоялъ испости его доказательствъ. Благодаря искусству такого учителя, мы проникали въ самыя тайны этихъ божественныхъ книгъ, и мы находили въ нихъ обильный источникъ самыхъ удивительныхъ познаній. Въ содружествѣ этого великаго человѣка мы вкушали самыя чистыя, самыя удивительныя радости“...

Григорій Чудотворецъ подробно описываетъ въ своей рѣчи ¹⁾ тогъ курсъ ученія, какой онъ вмѣстѣ съ другими выслушалъ у Оригена, — и мы видимъ ту широту наставленій, какія сообщалъ Оригенъ своимъ собесѣдникамъ — ученикамъ, и ту мудрую постепенность, съ какою онъ какъ бы по ступенькамъ лѣстницы велъ ихъ отъ низшаго къ высшему, отъ внѣшнихъ знаній къ внутреннему святилищу истины. Онъ прежде всего испытывалъ расположеніе своихъ слушателей и съ особенною заботливостію старался внушить имъ любовь къ истинѣ и ея изслѣдованію, въ особенности къ изслѣдованію и изученію внутренняго міра и внутреннихъ стремленій человѣка и всего того, что должно составить собственное благо человѣка. Затѣмъ онъ излагалъ логику, чтобы научить своихъ слушателей не допускать и не отвергать никакого доказательства легкомысленно, но основательно взвѣшивать силу умозаключеній, — физику или естественную философію, которая раскрываетъ безпредѣльное могущество и мудрость Божию въ удивительныхъ дѣлахъ творенія, геометрію, какъ вѣрное и неопровержимое основаніе всего прочаго, и астрономію, какъ средство увлеченія ума къ возвышенному и небесному. Выше стояло изученіе нравствен-

¹⁾ Λόγος προσφυτικὸς, с. VI, VII, VIII, IX, XI, XIII, XIV, XV. P. c. c. T. X. col. 1068—1096.

ности, и, прошедши предварительный курсъ, Оригенъ училъ своихъ слушателей искусству умѣрять страсти, возвыпаться надъ слабостями человѣчества, трудиться надъ тѣмъ, чтобы приблизиться къ Божеству и сохранять въ себѣ Его образъ. Самое драгоценное, самое высшее и необходимое познаніе, по Оригену,—познаніе первой причины. Этотъ высшій курсъ Оригенъ начиналъ изложеніемъ всего того, что философы и поэты сказали о Божествѣ, за исключеніемъ тѣхъ, которые проповѣдывали агейзмъ, то есть, отвергали бытіе или провидѣніе Божіе. и отсюда переходилъ къ толкованію того, что Духъ Божій открылъ человѣку касательно пачала и конца всего и касательно верховнаго божественнаго существа.

Слава Оригена, какъ учителя, была такъ велика, что къ нему, по свидѣтельству Евсевія ¹⁾, стекались не только жители той страны, гдѣ онъ имѣлъ мѣстопробываніе, но и изъ отдаленныхъ мѣстъ. Люди высокаго авторитета и виднаго церковнаго положенія не стѣднлись ставить себя въ число его учениковъ. Пользовался въ то время особенною извѣстностію Фирмилианъ, епископъ Кесаріи кашадокійской. По свидѣтельству Евсевія ²⁾, для пользы церкви иногда онъ приглашалъ Оригена въ свои области, а иногда и самъ отправлялся къ нему въ Іудею и проживалъ у него по нѣскольку времени для усовершенствованія себя въ знаніи предметовъ божественныхъ. Да и не одиъ онъ (прибавляетъ Евсевій); ему постоянно внимали и предстоятели іерусалимской церкви Александръ и епископъ кесарійскій Феотистъ.

Этого мало, что высокопоставленныя въ церкви лица, близкія къ нему, слушаютъ его, какъ учителя; къ нему прибѣгаютъ и его приглашаютъ цѣлыя соборы для улаженія споровъ и сраженія еретиковъ, какъ въ Ахаію, по случаю гностическихъ заблужденій, тамъ замѣченныхъ, и Аравію, по поводу лжеученій Берилла. Зовутъ его къ себѣ для собесѣ-

¹⁾ Ист. VI, 30.

²⁾ Ист. VI, 27.

дованія владѣтельныя и правительственныя лица, какъ одинъ правитель Аравіи, и какъ Маммея, мать императора Александра Севера, приглашавшая его въ Антиохію. Съ нимъ перешисывается и отъ него получаетъ посланіе императоръ Филиппъ и его супруга Селера. Ученый лѣтописецъ Юлій Африканъ представляетъ ему свои недоумѣнія и проситъ его высказать свое мнѣніе о подлинности исторіи Сузанны, находящейся въ книгѣ пророка Даниила ¹⁾. Для всѣхъ какъ будто онъ служилъ средоточіемъ свѣта, знанія и мудрости.

Уча неутомимо словомъ, Оригенъ не менѣе усердно работалъ и перомъ. Литературная производительность его была изумительная. По Иерониму, онъ болѣе написалъ, чѣмъ другой можетъ прочитать въ теченіе своей жизни ²⁾; а Епифаній, точнѣе опредѣливъ количество написанныхъ имъ сочиненій, насчитываетъ ихъ до шести тысячъ ³⁾. При немъ было болѣе семи скорописцовъ, которые, смѣняя другъ друга въ опредѣленное время, едва успѣвали записывать то, что онъ диктовалъ имъ; а другіе, между воими были дѣвочки, занимавшіяся чистописаніемъ, переносивали на бѣло продиктованное скорописцамъ и исправленное Оригеномъ ⁴⁾. Все, необходимое къ ихъ содержанію, въ избыткѣ доставлялъ Оригену богатый и образованный александриецъ Амвросій, по вліянію Оригена обратившійся къ православію изъ ереси Валентина. Каждый вопросъ, выдвигаемый временемъ, возбуждалъ его вниманіе, и его вѣчно работающая мысль всегда готова была давать вѣскій и ясный отвѣтъ на него. Всѣ части богословской науки имъ были послѣдуемы и онъ раздвигалъ ея область далѣе тѣхъ предѣловъ,

¹⁾ Ист. Евс. VI, 31.

²⁾ Твор. блж. Иеронима въ р.ксер. Т. I. стр. 174. 32 письмо къ Павлу.

³⁾ Паст. LXIV, гл. 63.

⁴⁾ Церк. Ист. Евс. VI, 23.

какіе намѣчены были дѣятельностію его предшественниковъ, когда напримѣръ онъ изслѣдывалъ библейскій текстъ, отыскивалъ разные переводы книгъ свящ. писанія и сравнивалъ ихъ между собою, съ цѣлію возстановленія чистаго слова Божія, свободнаго отъ человѣческихъ измѣненій и искаженій. Буква Писанія, богатый и разнообразный смыслъ его, догматы христіанскій и нравоученіе, полемика и апологія, — всѣ части имъ обработаны, и вездѣ онъ является великимъ мастеромъ, котораго мнѣнія и указанія высоко цѣнятъ люди не одного поколѣнія.

Ученый авторитетъ Оригена возвышался его нравственнымъ достоинствомъ. Всѣмъ извѣстна была его пылкая ревность по вѣрѣ, расколагавшаго всѣхъ видѣть въ немъ сильнаго защитника истины Христовой. Еще юношею онъ увлекался пламеннымъ желаніемъ мученичества и нетерпѣливо стремился пострадать за вѣру вмѣстѣ съ своимъ отцемъ. Его рѣшенія въ этомъ случаѣ не колебали даже мольбы и слезы матери, и она насильно удерживала его дома, пряча отъ него всякую одежду. Не пускаемый такимъ образомъ на подвигъ мученичества, юноша Оригенъ не остается въ покоѣ, но увлекаемый духомъ ревности шлетъ отцу, когда его содержали въ темницѣ, трогательное письмо, которымъ увѣщеваетъ его прямо идти къ мученическому вѣщцу, не обращая вниманія на голосъ любви къ семейству и дѣтиямъ. Когда затѣмъ Оригенъ былъ учителемъ оглашенныхъ, онъ возбуждалъ всѣхъ къ терпѣливому перенесенію страданія и смерти за имя Христово, и многихъ сопровождалъ на мѣсто казни, подвергая свою собственную жизнь опасности, и Евсеій въ своей исторіи перечисляетъ ¹⁾ нѣсколько его учениковъ, которые, по возбужденію и вліянію Оригена, запечатлѣли свою вѣру во Христа славною мученическою смертію. Богъ хранилъ его отъ безвремен-

¹⁾ Ист. VI, 4, 5. 28.

ныхъ мученій, и долгое время среди опасностей, его окружающихъ, онъ оставался невредимымъ. Но на старости лѣтъ въ Декіево гоненіе ему пришлось подвергнуться за слово Христова темничному заключенію и жестокимъ истязаніямъ, и онъ съ радостію перенесъ это испытаніе, и изъ темницы находилъ возможность слать слово утѣшенія и ободренія страдающимъ за вѣру. Другое свидѣтельство его ревности по вѣрѣ—это его рѣшимость въ молодые годы скорѣе терпѣть нужду, и выносить тяготу бѣдности, чѣмъ имѣть общеніе съ людьми не православнаго еретическаго образа мыслей. По смерти своего отца, онъ съ своимъ семействомъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни. Одна богатая александрійская аристократка дала ему пріютъ въ своемъ домѣ и щедро содержала его, какъ члена своего семейства. Но въ домѣ ея, вмѣстѣ съ Оригеномъ, жилъ и пользовался покровительствомъ ея ивѣто Павелъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ еретиковъ Александріи, распространившій между жителями Александріи свое лжеученіе. Оригену противно было сожительство съ такимъ человекомъ, и онъ сначала не соглашался стоять вмѣстѣ съ нимъ на молитвѣ, а потомъ и вовсе оставилъ домъ своей покровительницы, гнушался еретическаго ученія, въ немъ слышимаго, и для пріобрѣтенія средствъ къ жизни сталъ заниматься преподаваніемъ греческихъ наукъ.

При жизни, а еще болѣе по смерти, со времени св. Епифанія кипрскаго и блаж. Иеронима, Оригена иные объявляли опаснымъ еретикомъ и противъ нѣкоторыхъ пунктовъ его ученія вызывали строгое осужденіе церковнаго общественаго мнѣнія, которое и нашло для себя выраженіе на пятомъ вселенскомъ соборѣ. Но Оригенъ, при всѣхъ своихъ уклоненіяхъ отъ нѣкоторыхъ вѣрованій, принятыхъ и разъясненныхъ нынѣ церковію, не можетъ быть вписанъ въ разрядъ упорныхъ еретиковъ. Онъ былъ вѣрующій и покорный сынъ своей церкви. Своею мыслию онъ болѣе кого другаго содѣйствовалъ уясненію основныхъ догматовъ хри-

ствянства о достоинствѣ Искупителя нашего по воплощеніи Бога Слова. Онъ выяснялъ эти догматы, ратуя съ одной стороны противъ Θεодота и Артемона, отрицавшихъ божество Іисуса Христа, а съ другой противъ Праксея, Нозета и Савеллія, смѣшивавшихъ его съ Отцемъ и отрицавшихъ троицность лицъ въ Божествѣ. И то, что онъ высказалъ въ свое время въ виду заблужденій современныхъ еретиковъ, большею частію принято было отцами IV вѣка при борьбѣ съ аріанами и не мало содѣйствовало болѣе точному опредѣленію этихъ догматовъ на соборахъ. При неуспѣхности для сознанія многихъ членовъ церкви главныхъ пунктовъ вѣроученія, при отсутствіи одного общаго, строго опредѣленнаго и принятаго церковію символа, при неутвердившейся богословской терминологіи, естественны и пожалуй даже неизбежны были со стороны Оригена неточности и обмолвки въ рѣшеніяхъ то того, то другаго вопроса. Полетистый созерцательный умъ его не позволялъ молчать его мысли, когда онъ встрѣчалъ на пути своихъ изслѣдованій что либо темное и неизвѣстное, а увлекалъ его къ самымъ смѣлымъ предположеніямъ, и иногда при этихъ предположеніяхъ онъ вызывалъ въ своей памяти то, что сказали лучшіе изъ философовъ языческихъ, и ихъ мнѣніями пользовался для уясненія такихъ вопросовъ, отвѣта на которые не находилъ ни въ откровеніи, ни въ церкви. Но при этомъ Оригенъ былъ совершенно далекъ отъ дерзости и упорства еретика. Свои смѣлыя предположенія онъ высказывалъ съ самою крайнею осторожностію и смиреніемъ, избѣгая тона самоувѣреннаго и непогрѣшимаго учителя. И въ его ученыхъ теоретическихъ сочиненіяхъ (напримѣръ въ сочиненіи „О началахъ“) и въ бесѣдахъ у него постоянно встрѣчаются оговорки при изложеніи того или другаго ученія, оговорки ¹⁾, въ которыхъ онъ выражаетъ опасеніе,

¹⁾ De principiis L. I, c. VII. L. II. c. VIII. 5 L. II. c. VI. 2. Comm. in Matth. T. XII, n. 40. In Genes. L. VIII. n. 5. L. IX. In Levitic. L. V. VI. XII. In Numer. L. XI. XII. In Iesu Navch. L. VIII. In Isaiam. L. V. In Irem. L. XII. In Gezech. L. VI.

не уклонился ли онъ отъ истины, говоря то или другое, смиренно сознается въ слабости своей мысли и незначительности ея указаній, и просить всѣхъ испытывать истину его словъ и положеній, высказывая мысль, что чрезъ него, какъ чрезъ учителя, діаволь нарочито можетъ повлекать другихъ въ заблужденіе. Все, что ни высказывалъ онъ, онъ готовъ былъ подвергать самому строгому испытанію суда церковнаго, и всегда желалъ слушать совѣта мудрости, въ видахъ исправленія и очищенія своихъ воззрѣній. И если бы открывался гдѣ для него ясный голосъ церкви не согласный съ его положеніями, онъ съ преданностію покорнаго сына подчинился бы ея рѣшеніямъ.

Правственный характеръ Оригена огличается честностію и чистотою, и этой честности и чистоты не заподозрили даже и враги его. Жизнь его была постояннымъ стремленіемъ къ осуществленію христіанской добродѣтели. Правда, въ юности совершилъ онъ поступокъ, не согласный съ духомъ правственности евангельской, понявъ буквально слова Спасителя о скопцахъ, скопившихъ себя ради царствія небеснаго (Матѳ. XIX, 12) и дерзнувши выполнить эти слова самымъ дѣломъ. Но и эта ошибка молодости была свидѣтельствомъ его высокаго правственнаго стремленія. Рѣшаясь на поступокъ, называемый у Евсеія держать, онъ совершалъ грѣхъ невѣдѣнія: въ немъ, когда воля его располагала къ такому дѣйствию, онъ видѣлъ подвигъ спасенія, предпринимаемый для царствія Божія, и чрезъ него онъ разомъ хотѣлъ побѣдить свои страсти, отнять у себя всякой поводъ къ гнусной клеветѣ на себя, къ чему могли располагать его частыя собесѣдованія не только съ мужчинами, но съ женщинами по званію огласителя. На первыхъ порахъ когда этотъ поступокъ сдѣлался извѣстнымъ онъ не вызвалъ осужденія даже у Димитрія, епископа александрійскаго, послѣдствіи гласнаго преслѣдователя Оригена. Димитрій напротивъ вначалѣ одобрялъ ревность и искреннюю вѣру Оригена, подопытную его къ необыкновенному поступку, и старался успо-

ковать его совѣсть, сознавшую свою неправду, и только впоследствии, при усложнившихся отношеніяхъ и при необыкновенномъ возвышеніи авторитета Оригена, онъ по чувству зависти сталъ жестоко порицать его за грѣхъ юности и невѣдѣнія. Между тѣмъ этотъ грѣхъ юности единственное пятно на нравственномъ облакѣ Оригена. Другаго виднаго пятна не указали въ немъ ни ненависть язычниковъ и еретиковъ, ни вражда противъ него, равно возникшая въ цѣдрахъ той церкви, которой онъ первоначально служилъ въ качествѣ учителя оглашенныхъ.

Много горячихъ споровъ было изъ-за Оригена; его подвергали осужденіямъ, отлученію и анаемѣ. Но самъ онъ представляеть удивительно мирную натуру. До насъ не дошло ни одного раздражительнаго непріязненнаго слова, какое бы онъ адресовалъ своимъ врагамъ, ни строгаго порицанія если не прямо несправедливымъ, то по крайней мѣрѣ сомнительнымъ и нелюбовнымъ поступкамъ, какіе другіе предпринимали противъ него. Александрія, откуда его изгнали и откуда громкая его строгая судомъ, всегда была для него дорогимъ и любезнымъ отечествомъ, и не слышено имъ никакой горечи къ тѣмъ людямъ, которые закрыли для него его родину. Много спорилъ съ противниками истины христіанской Оригенъ. Но ратуя за истину, онъ былъ чуждъ фанатизма и полонъ снисходительности къ иномыслящимъ. Чужое искреннее убѣжденіе внушаетъ ему уваженіе къ себѣ, и слово его симпатично, когда онъ съ мягкостію и пріятностію рѣчи разрушаетъ основанія неправыхъ убѣжденій. Рѣчь его никогда не оставляетъ спокойнаго тона, и проблески негодованія видны только тогда, когда онъ имѣеть предъ собою явную гнусную клевету или заблужденіе, идущее наперекоръ всѣмъ истинкамъ и требованіямъ ума человеческого.

Въ требованіяхъ по отношенію къ своему дѣлу Оригенъ былъ крайне ограниченъ, удовольствія роскоши не были ему извѣстны и нисколько не манили его. Онъ стремился къ

однимъ наслажденіямъ духа: созерцаніе божественныхъ предметовъ, чтеніе и приумноженіе знаній, разрѣшеніе трудныхъ вопросовъ и большее или меньшее уясненіе современнаго, — вотъ гдѣ онъ почерпалъ источникъ утѣшенія и удовлетворенія своимъ потребностямъ, а о тѣлѣ, если бы возможно, онъ забылъ бы вовсе, и насиліемъ готовъ былъ подавлять его нужды. Онъ постоянно проводилъ жизнь философа, отказывающагося отъ всѣхъ обольщеній, и слѣдующаго строгимъ правиламъ, не хотѣлъ принимать дары отъ людей, для которыхъ онъ трудился въ божественномъ ученіи, чтобы не переступить въ своихъ требованіяхъ за предѣлы необходимаго. Ему достаточно было четырехъ ободовъ въ день, и ихъ онъ получалъ отъ человѣка, который купилъ у него всѣ бывшіе у него списки древнихъ сочиненій, и въ уплату за это обiazался доставлять ему ничтожную сумму, необходимую для его пропитанія. Не имѣлъ онъ постояннаго удобнаго жилища, спалъ на голой землѣ, считалъ излишнимъ имѣть двѣ одежды и часто ходилъ босой на улицахъ Александріи. *Движимый ревностію, по свидѣтельству Евсевія, онъ переносилъ холодъ и жажду и достигъ высшей степени бѣдности, такъ что чрезвычайно изумлялъ окружающихъ себя¹⁾.* Многие годы отказывался онъ отъ вина, и въ пищу ограничивался крайне необходимымъ. Трудовая, въ высшей степени воздержная жизнь, полная лишеній и далекая отъ обыкновенныхъ житейскихъ удобствъ, разстроила его здоровье. Но примѣръ любомудренной аскетической жизни былъ для современниковъ его живымъ и сильнымъ урокомъ, который возбуждалъ вниманіе и къ учителю и къ ученію, и вселялъ еще большее уваженіе къ тому, кто поражалъ другихъ и обиліемъ своихъ знаній, и силою мысли и высотой созерцанія и пріятностію слова.

¹⁾ Ист. Евс. VI, 3.

Труды Киевск. Академіи, 1879 г. т. I.

Великій во всѣхъ областяхъ знанія и литературы. Оригенъ имѣеть важное значеніе и въ исторіи христіанской церковной проповѣди. Отъ него, отъ перлага по времени изъ проповѣдниковъ, дошли до насъ проповѣдническія творенія, говоренныя въ церкви предъ слушателями, и въ томъ видѣ, въ какомъ говорены они. И до Оригена была проповѣдь въ христіанской церкви; но она не переходила въ литературу и, оставаясь устнымъ словомъ, не дала письменныхъ памятниковъ, которые бы перешли въ послѣдующіе вѣка, и о состояніи и содержаніи проповѣди до Оригена можно говорить только на основаніи отрывочныхъ замѣчаній, встрѣчаемыхъ у того или другаго древняго церковнаго писателя. и характеристика эта выходила по необходимости неполною и болѣе или менѣе гадательною. Если и являлось въ писмени что либо связанное съ церковью тѣмъ или другимъ предшественникомъ Оригена, то это не въ своей проповѣдной формѣ, а въ видѣ разсужденій или наставленій, развиваемыхъ въ посланіяхъ или цѣлыхъ сочиненіяхъ, и изслѣдователю проповѣдничества трудно гадательно выдѣлять изъ общей литературы малую часть, посвящую слѣды проповѣдическаго ученія. Теперь, подъ вліяніемъ Оригена, проповѣдь въ своемъ непосредственномъ видѣ получаетъ право литературнаго гражданства, и его бесѣды—первый твердый пунктъ, на которомъ останавливается изслѣдователь проповѣди, выходя изъ неясной сферы гаданій и предположеній. Записана въ литературѣ проповѣдь Оригена не столько потому, что онъ усердно трудился на поприщѣ церковнаго учительства (усердные учителя конечно были въ церкви и до него), сколько потому, что его проповѣди въ свое время производили сильное впечатлѣніе и онъ имѣлъ такой авторитетъ у современниковъ, при которомъ дорожили всѣмъ, что выходило изъ его устъ или изъ подъ его пера.

Но это обстоятельство, что проповѣди Оригена представляютъ первый, дошедшій до насъ, памятникъ древняго

проповѣдничества, не изчерпываетъ всего ихъ значенія. При своемъ авторитетѣ Оригенъ способствовалъ утвержденію на церковной кафедрѣ опредѣленнаго направленія проповѣди и создалъ типъ церковныхъ рѣчей, который извѣстенъ подъ именемъ оригеновской бесѣды, и который виденъ не у него одного, но и у многихъ его подражателей, какъ его, такъ и послѣдующаго времени. Прежде проповѣдь, въ формѣ и содержаніи, предоставлена была случаю или вдохновенію отъ Духа, въ которое вѣрили и которому предавались проповѣдники. Каждый учитель въ собраніи вѣрующихъ высказывалъ то, что Богъ положитъ ему на сердце, пользуясь для выраженія своихъ наставленій такою формою, къ какой располагало его внутреннее настроеніе или образованіе. У большинства служителей церковнаго слова замѣтна была съ вышней стороны такая простота, свобода и непринужденность рѣчи, съ какою велись обыкновенныя бесѣды. Другіе, владѣвшіе высшимъ знаніемъ, приносили на церковную кафедру такіа формы и способы ученія, съ какими они были знакомы по школьному образованію. Священное Писаніе и до Оригена было источникомъ и матеріаломъ проповѣди. Но изъясненія его, слышимыя въ церкви, были предоставлены произволу и вкусу каждаго: они были то просты и безыскусственны, то вычурны и замысловаты,—то преслѣдовали цѣли практическаго назиданія, то вели къ утонченнымъ созерцаніямъ иногда сомнительнаго достоинства; нѣкоторые довольствовались изъясненіемъ буквы Писанія, другіе, пренебрегая буквою, вездѣ старались отыскивать особенный сокровенный смыслъ. Вообще, при отсутствіи выработаннаго и утвержденаго преданія метода, было столько же, можно сказать, разнообразныхъ формъ проповѣдыванія, сколько было разнообразныхъ личностей между проповѣдниками. Въ ряду дѣятелей проповѣднаго слова не выдавалось такого гениа, который бы своею славною практикою и своимъ сильнымъ авторитетомъ далъ твердость опредѣленной проповѣднической методѣ и заставилъ

другихъ подчиниться этой методѣ. Въ Оригенѣ исторія указываетъ такого гени, который колеблющимся и верѣшительнымъ элементамъ церковно-проповѣднической практики далъ твердый и опредѣленный видъ, и изъ разсѣянныхъ, одиночно и прихотливо текущихъ, ручьевъ образовалъ одну рѣку, поглотившую въ себя частныя прежнія теченія, и увлекшую по своему руслу блуждавшія въ неопредѣленномъ пространствѣ ручейки. Благодаря силѣ его ума и вліянію, можетъ быть, помимо воли его самого, въ проповѣди открылась реформа, положившая грань между до-оригеновскимъ временемъ и временемъ, слѣдующимъ за явленіемъ Оригена.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что проповѣдь Оригена отличалась высокимъ ораторскимъ достоинствомъ. Оценка достоинства проповѣди Оригена и разъясненіе ея характера у насъ еще впереди; и мы знаемъ, что при внимательномъ отношеніи къ ней находятъ, что искусство церковно-ораторское въ ней проявляется только въ первомъ зачатіи. Въ настоящемъ случаѣ для насъ важенъ фактъ вліянія Оригена на проповѣдь своего времени, и какова бы ни была по своему достоинству проповѣдническая практика Оригена, она въ исторіи замѣчательна тѣмъ, что утвердила извѣстные приемы проповѣдничества. Она привязала проповѣдь къ Св. Писанію, сдѣлавъ ее изъясненіемъ послѣдняго, и если не создала, то утвердила обычай проходить изъясненіями съ церковной кафедрой цѣлыя книги Писанія по порядку стиховъ текста. Она руководилась твердыми герменевтическими началами при толкованіи Писанія и узаконила ихъ для другихъ на долгое время: но ея примѣру и другіе начали извлекать изъ каждаго мѣста библіи намѣчанные Оригеномъ разнородные смыслы. Она раздробляла изъясняемое мѣсто Писанія на нѣсколько отдѣловъ, и изъ каждаго извлекала мысли, часто не стоящія въ близкомъ отношеніи между собою, такъ что проповѣдь состояла изъ нѣсколькихъ эпизодовъ, только вышшимъ образомъ, а не внут-

рвеннѣмъ, связаннѣмъ между собою: такъ дѣлали послѣ Оригена и другіе... Вообще изъяснительная омилія Оригена со всѣми своими свойствами, совершенствами и недостатками, явилась образцомъ, которому болѣе или менѣе подчинялись продолжатели дѣла учительства церковнаго, съ усердіемъ и славною вѣдѣннаго Оригеномъ.

Проповѣдническая дѣятельность Оригена была довольно продолжительна и неутомима. Она началась еще тогда, когда онъ, будучи еще мѣряниномъ, отъ бѣдствій междоусобія удаленъ изъ Александріи въ Палестину, имѣя отъ роду около тридцати пяти лѣтъ, и продолжалась потомъ, съ нѣкоторыми перерывами, до самой его смерти, постигшей его на шестьдесятъ девятомъ году его жизни. Въ Александріи, какъ нужно полагать, онъ не проповѣдывалъ съ церковной кафедры; потому что въ Александріи, какъ видно изъ письма ¹⁾ Дмитрія александрійскаго къ епископамъ палестинскимъ, очень рано отняли у мѣрянъ право восходить на церковную кафедру для проповѣди, предоставляя это дѣло только людямъ, рукоположеннымъ въ епископа и пресвитера. Не имѣя священнаго рукоположенія, въ Александріи Оригенъ излагалъ свое ученіе о вѣрѣ и нравственности христіанской только въ огласительномъ училищѣ, не восходя на церковную кафедру. Но когда явился этотъ знаменитый александрійскій учитель въ Палестину, тамошніе епископы, не смотря на то, что онъ не имѣлъ еще священническаго рукоположенія, просили его не только дома учить вѣрѣ и религіи, но бесѣдовать и изъяснять Св. Писаніе всенародно въ церкви въ ихъ присутствіи. По этому поводу Дмитрій, александрійскій епископъ, обратился съ особымъ посланіемъ къ Теоκτισту, епископу кесарійскому и Александру, епископу іерусалимскому, въ которомъ выставилъ на видъ несообразность ихъ поступка съ обычаями

¹⁾ Церк. Ист. Евс. VI, 19.

церкви, указывая на то, что никогда не слышано, чтобы въ присутствіи епископовъ проповѣдывали міряне. Но Александръ и Θεоктистъ отвѣчали, что это неправда, и что „святые епископы, какъ скоро находили людей, способныхъ принести пользу братіямъ, то и приглашали ихъ проповѣдывать народу: такъ поступали блаженныя братья въ Ларандѣ-Пеонѣ съ Эвелпидомъ, въ Иконіи Цельсъ съ Павлиномъ, въ Синаидѣ Атикъ съ Θεодоромъ; такъ вѣроятно было и въ другихъ мѣстахъ“¹⁾. Послѣ этого временнаго пребыванія въ Палестинѣ, Оригенъ возвратился въ Александрію и снова принялся за труды по должности огласительнаго училища, но лѣтъ черезъ восемь послѣ этого (въ 228 году, когда ему было около 43 лѣтъ) во время путешествія въ Грецію, при вторичномъ пребываніи въ Кесаріи палестинской, онъ рукоположенъ былъ въ пресвитера епископами Θεоктистомъ и Александромъ,—и тогда проповѣдь церковная сдѣлалась его обязанностию, и онъ не уклонялся отъ нея въ теченіе всей своей послѣдующей жизни.

Проповѣдывалъ Оригенъ не въ одни праздничныя и воскресныя дни, но и въ будни, являясь на церковную кафедру для изъясненія слова Божія и изложенія своего ученія изо дня въ день, какъ представляетъ это Памфилъ въ своей анологіи²⁾. Къ этому его располагали сколько сознаніе пастырскаго долга и желаніе принести братіямъ возможную пользу, сколько и приглашенія епископовъ тѣхъ церквей, при когорыхъ жилъ онъ, желавшихъ воспользоваться его знаніями и просвѣщеннымъ словомъ для назиданія своей паствы. Объ этой ежедневной проповѣди Оригена свидѣтельствуютъ многократно вѣселяющіеся въ его бесѣдахъ упреки слушателямъ, что они лѣниво ходятъ къ слушанію слова Божія, и едва въ праздничныя дни являют-

¹⁾ Пет. Евс. VI, 19.

²⁾ Apol. Pamphili martyris pro Origene. Praefatio. Patrologiae cur. compl. T. XVII, col. 545.

ся въ церкви, пренебрегая болѣе частымъ слышаніемъ слова Божія, и поставляя чрезъ то въ большое затрудненіе тѣхъ, кому избрено домостройство Божіе ¹⁾, а также припоминаніи того, что говорено было вчерашній день ²⁾.

Чаще всего проповѣдывалъ Оригенъ въ Кесаріи палестинской, которая была для него какъ бы второю родиною по удаленіи изъ Александріи: епископъ кесарійскій Θεоктистъ, при первомъ появленіи здѣсь Оригена, возложилъ на него обязанность общенароднаго изъясненія слова Божія въ церкви, и Оригенъ не уклонился отъ этого порученія не столько начальственнаго, сколько дружественнаго. И въ другихъ мѣстахъ, гдѣ являлся Оригенъ, предстоятели церквей просили его принять на себя дѣло церковнаго учительства. Такъ ему воручалъ изъясненіе божественнаго Писанія и все, относящееся къ церковнымъ поученіямъ, Александръ, предстоятель церкви іерусалимской, не менѣе Θεоктиста чтившій талантъ и знанія Оригена. Его для пользы своей церкви приглашалъ въ свои области славный въ свое время Фирмилианъ, епископъ Кесаріи Каппадокійской: любя слушать его бесѣды дома, Фирмилианъ желалъ, чтобы и паства его по мѣрѣ возможности получала назиданіе изъ его публичныхъ церковныхъ поученій.

Къ проповѣдямъ Оригенъ не приготавлился съ такою тщательностію, съ какою приготавлиются къ нимъ проповѣдники нашего времени. При его изумительной учено-литературной и учительской дѣятельности, при его подвизной жизни и частой перемѣнѣ мѣстожителства, при проповѣди изо дня въ день ему не было досуга для тщательнаго изготовленія своихъ бесѣдъ. Да къ тому же въ вѣкъ, предшествующій Оригену и ему современнѣй, нарочитое

¹⁾ Hom. in Gen. X. n. 1. 3. Patr. e. compl. T. XII. col. 215. 218. Hom. in Gen. XI n. 3. P. e. e. T. XII, col. 224.

²⁾ Hom. in Numeros XIII. P. e. e. T. XII, col. 666.

изготовление каждой проповѣди и предварительная записка ея отъ начала до конца не считались нужными. Тогда смотрѣли на церковную проповѣдь, какъ на живую назидательную бесѣду, и къ ней относились такъ же, какъ мы относимся къ нашимъ взаимнымъ бесѣдамъ, ожидая всего для веденія проповѣднической бесѣды отъ случайнаго вдохновенія или отъ тѣхъ знаній и отъ того пониманія вещей, какими владѣлъ тотъ или другой проповѣдникъ. Короткаго размышленія о предметѣ рѣчи или отдѣлѣ Писанія было достаточно для того, чтобы проповѣдники выступали на кафедрѣ съ полнымъ сознаніемъ надлежащаго веденія предписаннаго долга, и если искали успѣха и вліянія на жизнь отъ своихъ рѣчей, то ожидали его не отъ своихъ силъ и знаній, не отъ своего искусства, а отъ благодати Духа, дѣйствующаго въ церкви и руководящаго проповѣдниками слова Божія.—Оригенъ впрочемъ не ставилъ ни въ вопроса такую простоту отношеній къ дѣлу проповѣди. Когда у него заходила рѣчь объ условіяхъ совершенства проповѣдническаго дѣла, онъ многое приписываетъ здѣсь труду и напряженію человѣка. Въ толкованіи на посланіе къ римлянамъ (XII, 6—8) ¹⁾ онъ утверждаетъ, подобно господствовавшему тогда взгляду, что всякое совершенство, замѣчаемое между силами человѣческими, въ мудрости ли, въ ученіи ли, или въ другихъ служеніяхъ, первѣе всего обязано благодати или дару Божию, такъ что безъ дара Божія оно обращается въ ничто, такъ какъ тѣмъ, у кого нѣтъ благодати Духа, нельзя быть членами тѣла Христова. Но высказавши такую мысль, Оригенъ спрашиваетъ, нѣтъ ли въ насъ такого вида пророчества, которое не все имѣетъ отъ Бога, но нѣчто получаетъ и отъ человѣческихъ занятій, и отвѣчаетъ, что есть, и когда развиваетъ свою мысль, то ясно даетъ разумѣть, что подъ такимъ видомъ пророчества,

¹⁾ Comment. in epist. ad Rom. I. IX, n. 3. Patr. e. compl. T. XIV, col. 1215—6.

подучающимъ нѣчто и отъ человѣческихъ упражненій, онъ понимаетъ церковную проповѣдь. „Другимъ покажется это (говорить онъ) совершенно невозможнымъ, но у Павла ясно утверждается это, когда онъ говоритъ: *ревнуйте дарованій большихъ, паче же да пророчествуете* (1 Кор. XII, 31. XIV, 1). Ревновать можно въ служеніи, ученіи, увѣщаніи и прочемъ, прилагая къ тому занятіе и трудъ; такимъ образомъ Апостоль показываетъ, что это должно быть и по отношенію къ пророчеству. Здѣсь нужно разумѣть не то пророчество, при которомъ говоритъ: *сія малолетъ Господь*; потому что такое пророчество продолжалось до Іоанна, какъ сказано въ Евангеліи: *закомъ и пророки до Іоанна* (Лук. XVI, 16), но то, о которомъ говоритъ тотъ же Апостоль: *пророчествуяй чловѣкомъ малолетъ созиданіе и утѣшеніе и утвержденіе* (1 Кор. XIV, 3). Итакъ у Павла говорится о томъ пророчествѣ, когда кто говоритъ людямъ въ назиданіе, а также въ увѣщаніе и утѣшеніе,—и къ пророчеству такого рода намъ возможно прилагать трудъ, и отъ нашей власти зависить, чтобы намъ, при вниманіи къ атому дѣлу, приложилось и то пророчество, которое отъ Бога, если только мы дѣлаемъ это по духу или по мѣрѣ вѣры. Требованіе труда и занятій для усовершенія въ дѣлѣ проповѣди, заявленное Оригеномъ, какъ видно изъ словъ самаго Оригена, для весьма многихъ казалось новостію. Но высказанное въ общемъ смыслѣ, оно имѣетъ въ виду не столько нарочитое приготовленіе къ каждой отдѣльной бесѣдѣ, сколько умноженіе познаній и укрѣпленіе мысли чрезъ чтеніе полезныхъ сочиненій и размысленіе о предметахъ вѣры, что естественно сопровождается весьма выгодными результатами въ исполненіи проповѣдническаго долга. По крайвей мѣрѣ самъ Оригенъ, какъ можно заключать изъ соображенія всѣхъ извѣстій о его проповѣднической дѣятельности, считалъ для себя обязательнымъ соблюденіе только общихъ условій, рекомендуемыхъ имъ для усовершенія въ дѣлѣ проповѣдничества. А каждая частная бесѣда его была импровизаціею, порожденіемъ времен-

наго вдохновенія или быстро движущейся мысли. Онъ не записывалъ напередъ того, что говорилъ въ церкви предъ слушателями, и не составлялъ даже общаго плана своей рѣчи, а предлагалъ вниманію слушателей то, что приходило ему на мысль при чтеніи предназначеннаго для изъясненія отдѣла библіи, и что подсказывало ему въ моментъ произнесенія рѣчи его глубокое знаніе Писанія и мысль, изъ дѣтства привыкшая углубляться въ смыслъ его. Отсюда происходитъ безыскусственность оригеновской бесѣды; отсюда отсутствіе въ ней твердаго логическаго порядка и нѣкоторая разбросанность мысли, переходящей отъ одного предмета къ другому, и развивающей въ одной бесѣдѣ разнообразныя матеріи.

При неистощимой плодовитости Оригена, при его необыкновенномъ усердіи къ слушанію слова, возбуждаемому еще уважавшими его предстоятелями церкви, при его навыкѣ говорить пароду безъ приготовленія, отъ него должны были явиться цѣлыя тысячи бесѣдъ, тѣмъ болѣе, что время проповѣдническаго служенія его продолжалось цѣлые десяти лѣтъ. Иеронимъ и свидѣтельствуетъ ¹⁾, что Оригенъ тысячу бесѣдъ и болѣе того сказалъ въ церкви. Въ разные времена въ собраніяхъ церковныхъ онъ вѣроятно прошелъ изъясненіемъ всѣ книги св. Писанія (за исключеніемъ развѣ Апокалипсиса, который въ древнія времена не былъ предметомъ изъясненія въ бесѣдахъ церковныхъ), и можетъ быть, къ нимъ изъ нихъ онъ возвращался не одинъ разъ. Но изъ того безцѣпнаго множества бесѣдъ, какое въ свое время слышали отъ Оригена христіане третьяго вѣка, до насъ дошла сравнительно незначительная часть. Онъ не могли дойти до насъ во всей своей полнотѣ потому, что по отношенію къ нимъ не было прилагасемо главнаго средства

¹⁾ Твор. блж. Иеронима, изд. въ русск. переводѣ въ Трудахъ Киев. Акад. Т. II, отд. 3, 77-е письмо къ Павлахію и Оксалу, стр. 372.

сохраненіи проповѣдей, авторской записи; такъ какъ Оригенъ, говоря свои бесѣды импровизаціею, не считалъ нужнымъ предавать ихъ письмени.

Главнымъ способомъ къ сохраненію бесѣдъ Оригена для потомства, служила запись ихъ скорописцами въ церкви во время сказыванія, какъ свидѣтельствуется Памфилъ ¹⁾ и Евсевій ²⁾. Но не записывая самъ своихъ церковныхъ бесѣдъ, Оригенъ долгое время не позволялъ и другимъ записывать ихъ въ церкви во время произнесенія или воспроизводить ихъ по окончаніи богослуженія по воспоминаніямъ. Къ этому побуждала его съ одной стороны скромность, при которой онъ не видѣлъ въ своихъ проповѣдяхъ ничего особеннаго, достойнаго сохраненія для послѣдующихъ поколѣній, столько съ другой стороны и опасеніе того, какъ бы его импровизованное слово, не проверенное строгимъ размышленіемъ, случайно вылившись изъ усть, не оказалось въ чемъ либо отступающимъ отъ истины, и потому не вызвало нареканія противъ него и не дало повода къ какому либо заблужденію. Къ тому же для уразумѣнія Писанія въ ходу были комментаріи и схоліи, въ составленіи которыхъ онъ неутомимо трудился и которые для своей цѣли казались ему совершенно достаточными. Только впоследствии, когда Оригену было уже болѣе шестидесяти лѣтъ, и когда чрезъ долговременную, болѣе чѣмъ двадцатилѣтнюю, практику онъ изощрилъ свои импровизаторско-проповѣдническія способности, онъ позволялъ скорописцамъ переводить въ письменна произносимыя имъ въ собраніи устныя бесѣды ³⁾. Къ этому могли расположить прежде непреклоннаго Оригена желанія и просьбы многочисленныхъ его учениковъ и почитателей. Благоговѣя предъ его умомъ, знаніями и авто-

¹⁾ Apol. Pamph. martyr. pro Origene. Patr. с. с. Т. XVII. col. 542.

²⁾ Церк. Ист. Евс. VI, 36.

³⁾ Ист. Евс. VI, 36.

ритетомъ, они дорожили каждымъ его словомъ и очень жалѣли о томъ, что слова его, говоримыя въ церкви для назиданія слушателей, не бывъ нигдѣ записаны, какъ бы замирали въ воздухѣ тотчасъ послѣ ихъ произнесенія. Считая все, сказанное Оригеномъ, достойнымъ общаго вниманія и видя въ немъ образецъ церковнаго учителя, они настаивали предъ нимъ, чтобы онъ не лишалъ ихъ возможности имѣть подъ руками записи его назидательныхъ и многосодержательныхъ бесѣдъ, и Оригенъ долженъ былъ уступить ихъ настоятельнымъ желаніямъ. Полагаемъ, что это сдѣлали ученики его, жившіе въ Кесаріи палестинской, гдѣ долѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ жилъ Оригенъ по удаленіи изъ Александріи, и гдѣ болѣе всего было его горячихъ приверженцевъ и почитателей, въ родѣ св. Григорія Чудотворца.

Впрочемъ нѣкоторыя бесѣды изданы были и самимъ Оригеномъ, и въ относительно ранній періодъ, т. е. до того времени, когда онъ далъ позволеніе записывать за собою слова, говоримыя въ церкви. Такъ въ твореніяхъ самаго Оригена есть свидѣтельство, что имъ самимъ изданы были бесѣды на Евангеліе отъ Луки ¹⁾, бесѣды на книгу Судей ²⁾ и нѣкоторыя бесѣды на псалмы ³⁾. Блаж. Иеронимъ замѣчаетъ ⁴⁾, что въ его время были въ употребленіи, изданныя самимъ Оригеномъ и бесѣды на книгу Іова, плѣкъ утерянныя. Мы не думаемъ, чтобы записи этихъ бесѣдъ, изданныхъ самимъ Оригеномъ, предшествовала ихъ произнесенію, какъ полагаетъ Гуэцій, не желающій согласиться съ тѣмъ,

¹⁾ Comm. in Ioan. t. 32, n. 2. Patr. e. e. T. XIV. col. 141—2. Comm. in Matth. t. 13 n. 29. Patr. e. compl. T. XIII, col. 1173—4.

²⁾ Orig. in Canticum canticorum prologus. Patr. e. e. T. XIII, col. 78.

³⁾ Hom. 11 in 1 Reg. de Eugastimytho Patr. e. e. T. XII. col. 1019—20.

⁴⁾ Твор. блаж. Иеронима. Т. II. Письмо къ Викентію 57. стр. 165—6.

чтобы Оригенъ все свои бесѣды говорилъ импровизаціею¹⁾. Оригенъ скорѣе записывалъ ихъ послѣ произнесения, имѣя въ виду издать ихъ вмѣсто комментаріа. Считая слово Божіе источникомъ христіанской мудрости и руководительнымъ началомъ доброй совершенной жизни, онъ всѣми мѣрами старался содѣйствовать его уразумѣнію и извлеченію изъ него возможныхъ уроковъ вѣрующимъ. Устное изъясненіе его въ церкви, по необходимости ограниченное предѣлами пространства и времени, было недостаточно для всенароднаго распространенія истиннаго пониманія смысла св. Писанія. Для этой цѣли очень рано онъ началъ изготовлять и отъ времени до времени издавать въ письменной обработкѣ комментаріи на разныя книги св. Писанія, къ чему побуждалъ его богатый александріецъ Амвросій, предложившій ему и щедрыя пособія для ученой работы и изданія ученыхъ трудовъ. Для ускоренія дѣла, не успѣвъ изготовить комментаріа на тѣ или другія библейскія книги, онъ вмѣсто комментаріа издавалъ свои бесѣды, посвященныя изъясненію книгъ, не комментированныхъ имъ до того времени въ письмени.

И изъ того, что въ свое время записано было изъ проповѣдывческихъ трудовъ Оригена, далеко не все сохранилось до насъ. Это видно во-первыхъ изъ того, что иные писатели, напримѣръ Кассіодоръ и Иеронимъ, насчитываютъ такое количество бесѣдъ на извѣстныя библейскія книги, какого нѣтъ нигдѣ; во вторыхъ изъ того, что иногда у древнихъ писателей приводятся цитаты изъ такихъ бесѣдъ Оригена, какихъ нигдѣ не находятъ. Потери бывшихъ въ употребленіи бесѣдъ Оригена могла произойти тогда, когда измѣнилось отношеніе церковнаго общественнаго мнѣнія къ сочиненіямъ Оригена, чему много содѣйствовали св. Епифаній и блаж. Иеронимъ, первые въ христіанской литературѣ

¹⁾ Danielis Huetti Origenianorum, l. III. c. IV. P. c. c. T. XVII. col. 1272.

съ силою возстаншіе противъ его авторитета, и когда потомъ на пятомъ вселенскомъ соборѣ произнесено было церковное осужденіе на направленіе Оригена и на тѣ неправыя мнѣнія, какія встрѣчались въ тѣхъ или другихъ изъ многочисленныхъ его сочиненій. Послѣ публичнаго заявленія голоса церкви, неблагопріятнаго Оригену, многіе перестали дорожить наслѣдіемъ его мысли и слова, а другіе нарочито могли подвергать ихъ истребленію, какъ это часто бывало въ церкви по отношенію къ сочиненіямъ, объявленнымъ еретическими, или заподозрѣннымъ въ неправославіи.

Далѣе, изъ существующихъ нынѣ проповѣдическихъ трудовъ Оригена только немного дошло до насъ въ первоначальномъ греческомъ текстѣ. Большая часть изъ нихъ сохранилась въ латинскомъ переводѣ блаж. Іеронима, а еще болѣе Руфина. Переводъ Іеронима признается довольно точнымъ и соответствующимъ подлиннику, что подтверждается сличеніемъ его съ отрывками греческими, сохранившимися до нынѣ. Но переводъ Руфина—переводъ довольно свободный: онъ позволялъ себѣ не только перифразъ, но и распроставленія и дополненія, иногда и сокращенія текста, какъ онъ самъ сознается, по отношенію къ тексту бесѣдъ Оригена на книгу Бытія, Исходъ и въ особенности на книгу Левить, въ заключеніи къ переводу толкованій Оригена на посланіе апостола Павла къ римлянамъ ¹⁾. Въ прологѣ къ переводу бесѣдъ Оригена на книгу Числъ онъ свидѣтельствуешь, что въ своемъ переводѣ соединилъ въ одно все, что нашлось у Оригена на эту книгу,— и то, что написано стилемъ гомилетическимъ, и то, что называется схоліями ²⁾. Свободное обращеніе Руфина съ текстомъ оригеновскихъ сочиненій иногда простиралось до перемѣны его смысла, въ вл-

¹⁾ Rufini presb. ad Heraclium peroratio in explanationem Origenis super Epist. Pauli ad Romanos. P. c. c. T. XIV, col. 1891—4.

²⁾ Prol. Rufini interpretis ad Ursacium. P. c. c. T. XII. col. 585—6.

дахъ приведенія возрѣвнѣй Оригена въ большое соотвѣтствіе съ вѣрою церковною ¹⁾. Въ бесѣдахъ впрочемъ перемѣна текста Оригенова Руфиномъ едва ли заходила такъ далеко, какъ это случилось въ переводѣ другихъ сочиненій, посвященныхъ развитію теоретическихъ началъ; такъ какъ не въ нихъ заключаются соблазнительныя мѣста, вызывавшія нареканіе на чистоту вѣры Оригена. При недостаткѣ подлинника и этотъ вольный руфиновскій переводъ можетъ служить цѣлямъ ознакомленія съ содержаніемъ, характеромъ и манерою проповѣдничества Оригенова.

Отъ Оригена дошли до насъ слѣдующія бесѣды: 1) 17 бесѣдъ на книгу Бытія; 2) 13 на книгу Исходъ; 3) 16 на книгу Левитъ; 4) 28 на книгу Чисель; 5) 26 на книгу Иисуса Навина; 6) 9 на книгу Судей; 7) 2 на первую книгу Царствъ; 8) 9 на псалмы 36-й, 37 и 38-й; 9) 2 бесѣды на Пѣснь Пѣсней; 10) 9 бесѣдъ на видѣнія пророка Исаія; 11) 21 бесѣда (3-я не полная) на книгу пророка Іеремія; 12) 14 бесѣдъ на книгу пророка Іезекіила; 13) 39 на евангеліе отъ Луки и 14) отрывки изъ бесѣдъ: а) на книгу Іова, очень короткій, о ползѣхъ для насъ діавола; б) изъ бесѣды на 82-й псаломъ; в) изъ 39-й бесѣды на книгу пророка Іеремія; г) изъ 4-й бесѣды на Дѣянія апостольскія— въ нѣсколько строкъ и д) два краткіе отрывка изъ бесѣды на посланіе къ евреямъ. Всего двѣсти пять бесѣдъ и нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

Изъ перечисленныхъ нами бесѣдъ Оригена на греческомъ языкѣ сохранилось только 19 бесѣдъ на книгу пророка Іеремія, которыя сначала изданы были Кордеріемъ по кодексу скоріальскому съ именемъ Кирилла александрійскаго (1548 г. въ Антверпенѣ), а потомъ Гизлеромъ по ватиканскому списку съ именемъ Оригена, послѣ того какъ Гуэцій показала ошибочность наименованія автора бесѣдъ въ ко-

¹⁾ Твор. блаж. Іеронима. Т. IV. 373—4. Апологія противъ книгъ Руфила, посланная къ Памфилю и Марцеллу. Кн. 1.

дексъ скоріальскомъ, и одна изъ существующихъ на первую книгу Царствъ (на 26-ю главу объ аэндорской волшебницѣ), извлеченная Львомъ Аллиціемъ изъ одного греческаго ватиканскаго манускрипта, и изданная въ первый разъ въ 1629 году въ Лионѣ. Затѣмъ на греческомъ языкѣ встрѣчаются только небольшіе отрывки изъ бесѣдъ Оригена въ катеняхъ¹⁾, Филокаліи²⁾ и исторіи Евсевіи³⁾. Бесѣды на книги Бытія, Исходъ, Левитъ, Чисель, Іисуса Навина, Судей, на Псалмы и первая бесѣда на книгу Царствъ сохранились для насъ только въ переводѣ Руфина; а въ переводѣ блаж. Іеронима существуютъ бесѣды на Псалъ Псалей, на книгу пророка Ісаіи, на книгу пророка Іереміи (въ количествѣ 14, изъ которыхъ двухъ нѣтъ въ греческомъ кодексѣ, заключающемъ въ себѣ 19 бесѣдъ), на книгу пророка Іезекіиля и на евангеліе отъ Луки.

Мы выше сказали, что въ вѣкъ блаж. Іеронима и Кассіодора бесѣды Оригена на книги св. Писанія существовало гораздо больше, чѣмъ нынѣ, и онѣ всѣ были въ обращеніи въ подлинномъ греческомъ текстѣ, съ котораго Руфинъ и Іеронимъ могли переводить ихъ на латинскій языкъ. Такъ Іеронимъ на книгу Бытія имѣлъ подъ руками тринадцать книгъ комментарія и *девять книгъ мистическихъ бесѣдъ*⁴⁾. Одну книгу могли составлять нынѣ существующія семнадцать бе-

¹⁾ Изъ катенъ извлечены были отрывки второй бесѣды на книгу Бытія, нѣсколько словъ изъ восьмой бесѣды на книгу Левитъ, нѣсколько отрывковъ изъ первой бесѣды на 37-й псаломъ.

²⁾ Въ Филокаліи есть а) отрывокъ изъ 2-й бесѣды на книгу Левитъ, не встрѣчающийся въ нынѣшней 2-й бесѣдѣ; б) изъ 20-й бесѣды на книгу Іисуса Навина, который составляетъ 12 главу Филокаліи, в) изъ утраченной 39-й бесѣды на книгу пророка Іереміи, г) изъ 4-й бесѣды на Дѣянія апостольскія.

³⁾ Въ исторіи Евсевія сообщается отрывокъ изъ несуществующей нынѣ бесѣды на 82-й псаломъ, въ которомъ говорится о ереси элксантовъ (VI, 38) и два отрывка изъ одной бесѣды на посланіе къ евреямъ (VI, 25).

⁴⁾ Твор. блаж. Іеронима. Т. I. стр. 174. 32 письмо къ Павлу.

бдѣ, полныя мистическихъ толкованій; а другая книга до насъ не дошла. Что дѣйствительно Іерониму извѣстно было больше бесѣдъ Оригена на книгу Бытія, чѣмъ сколько ихъ есть нынѣ,—это видно изъ того, что онъ въ письмѣ¹⁾ къ пресвитеру Евангелу упоминаетъ о томъ, что Оригенъ въ первой бесѣдѣ на Бытіе разсуждалъ о Мелхиседекѣ и называлъ его ангеломъ. Такого разсужденія о Мелхиседекѣ нѣтъ ни въ первой, ни въ другихъ нынѣ существующихъ бесѣдахъ Оригена на первую книгу пятюн книжн Моисеева. На книгу Числъ нынѣ существуетъ 28 бесѣдъ, но Кассіодору извѣстно было 30 бесѣдъ на эту книгу²⁾. Въ 12-й бесѣдѣ на Іеремію Оригенъ высказываетъ намѣреніе говорить о священническихъ благословеніяхъ, содержащихся въ книгѣ Числъ; но въ ружинскомъ собраніи нѣтъ бесѣды подобнаго содержанія, вѣроятно этой матеріи касался Оригенъ въ одной изъ потерянныхъ бесѣдъ. На книгу Левитъ, по Кассіодору, написалъ Оригенъ шестнадцать бесѣдъ; столько ихъ есть и въ нынѣшнихъ собраніяхъ. Но въ Филокалии (въ первой главѣ) читается такой отрывокъ изъ 2-й бесѣды Оригена на Левитъ, какого нѣтъ ни во второй, ни въ другихъ бесѣдахъ на эту книгу. Въ 4-й бесѣдѣ на книгу Левитъ³⁾ Оригенъ замѣчаетъ, что о льняныхъ одеждахъ имъ часто говорено было, въ особенности когда онъ бесѣдовалъ объ облаченіяхъ священническихъ, а въ 6-й оуч⁴⁾ упоминаетъ о томъ, что онъ пространно и часто бесѣдовалъ о томъ, что говорится въ книгѣ Левитъ о посвященіи и помазаніи священника, между тѣмъ въ предыдущихъ бесѣдахъ объ этихъ предметахъ почти ничего не сказано. На Второзаконіе нѣтъ нынѣ бесѣдъ Ориге-

1) Твор. блаж. Іеронима. Т. II. Письмо 68 къ Евангелу пресвитеру, стр. 266.

2) Aurelii Cassiodori, de institutione divinarum litterarum, c. I. P. c. c. T. LXX. col. 1112.

3) Nonn. in Lev. VI. n. 6. P. c. c. T. XII. col. 410.

4) H. in Lev., VI, n. 5. P. c. c. t. XII, col. 473.

Труды Киевск. Академіи, 1879 г. т. I.

новыхъ; но Кассіодору ⁴⁾ извѣстно было четыре бесѣды на эту книгу, въ которыхъ онъ находитъ чрезвычайно утонченное изъясненіе, и Руфинъ въ письмѣ въ Урзакію, помѣщенномъ въ предисловіи къ переводу бесѣдъ Оригена на книгу Числъ ⁵⁾, выражаетъ надежду перевести бесѣды на Второзаконіе, до тѣхъ поръ единственныя, оставшіяся не переведенными изъ всего того, что Оригенъ написалъ о законѣ или пятикнижій, и присоединить къ полному издавію, если Господь поможетъ и дастъ здоровья его глазамъ; но за смертію онъ не исполнилъ своего намѣренія, и мы лишены такимъ образомъ читать бесѣды Оригена на Второзаконіе. На книгу Іисуса Навина нынѣ довольно бесѣдъ,—26; но Кассіодоръ упоминаетъ о 30 бесѣдахъ на эту книгу. На книги Царствъ дошло отъ Оригена только двѣ бесѣды (на 1-ю и 28-ю главы первой книги Царствъ), но ихъ было конечно гораздо болѣе. Но крайней мѣрѣ Кассіодоръ упоминаетъ о 4 бесѣдахъ на первую книгу, объ этой бесѣдѣ на вторую, и еще объ одной пространной на вторую книгу Паралипоменонъ ⁶⁾. Самъ Оригенъ въ 3-й бесѣдѣ ⁷⁾ на книгу Іисуса Навина упоминаетъ, что онъ нѣкогда въ одной церкви бесѣдовалъ о двухъ блудницахъ (о которыхъ записано въ третьей книгѣ Царствъ), судившихся у Соломона, изъ которыхъ одна представляла живое, а другая мертвое дитя. Кассіодоръ же свидѣтельствуетъ, что онъ видѣлъ бесѣды Оригена на двѣ книги Эздры, и что эти бесѣды переведены были на латинскій языкъ пресвятеромъ Беллаторомъ ⁸⁾; бесѣдъ на эти книги нынѣ нигдѣ не находятъ. Не дошло до насъ бесѣдъ Оригена на книгу Іова, за исключеніемъ небольшого отрывка, сохранившагося у Пларія пиктавійскаго; но ихъ въ древности

⁴⁾ De instit. divin. litterarum c. I. P. c. c. T. LXX. col. 1112.

⁵⁾ Patr. c. c. T. XII. col. 585—6.

⁶⁾ De institut. divin. litterarum. c. 2. P. c. c. T. LXX. col. 1112—1113.

⁷⁾ In Librum Iesu Naveh, III. n. 4. P. c. c. t. XII. col. 840.

⁸⁾ De institut. divin. litterarum. 6. P. c. c. T. LXX. c. 1118.

было много. Иеронимъ свидѣтельствуетъ ¹⁾ даже, что Оригенъ самъ издалъ бесѣды на эту книгу, и что Иларій цесовѣдникъ перевелъ ихъ съ греческаго языка на латинскій. Въ этихъ бесѣдахъ, по замѣчанію Иеронима, говори противъ діавола и о звѣздахъ небесныхъ, онъ сказалъ нѣчто такое, что не прищимаеть церкви. () бесѣдахъ на Іова упоминаеть и Квстацій антиохійскій ²⁾, который говоритъ, что эти бесѣды изобилуютъ разнообразною пустою болтовнею, и очень осуждаетъ Оригена за то, что въ нихъ онъ не удивляется тервѣнію, не рекомендуетъ добродѣтель, не одобриеть вѣру, не описываетъ примѣры мужества духа..., но все это опустивши, утонченнымъ образомъ толкуя имена дочерей, пзвяснилъ многое по—старупецки.

Сохраненныя Руфиномъ девять бесѣдъ на псалмы (36, 37 и 38) только остатокъ болѣе полной книги. Книга псалмовъ Давидовыхъ, полная много содержательныхъ и трогательныхъ выраженій религіознаго чувства, и всегда пользовавшаяся особеннымъ уваженіемъ въ церкви, не могла не обращать на себя особеннаго вниманія нашего проповѣдника, и онъ не разъ приступалъ къ изъясненію съ церковной кафедры тѣхъ или другихъ псалмовъ. Многія бесѣды Оригена на псалмы извѣстны были блаж. Иерониму ³⁾ и св. Василію Великому ⁴⁾. Тритемій свидѣтельствуетъ ⁵⁾, что Оригенъ оставилъ 150 бесѣдъ на псалмы. Въ исторіи Елсевія ⁶⁾ сохраненъ отрывокъ изъ бесѣды на 82-й псалмъ о ересе элказитовъ; но между дошедшими до насъ бесѣдами Оригена нѣтъ бесѣды на означенный псаломъ. Въ бесѣдахъ о волшеб-

¹⁾ Твор. блаж. Иеронима, письмо къ Валеріанцу 57. Т. II. стр. 165—166.

²⁾ Τοῦ ἀγίου Ἰλαρίου, ἀρχιεπισκόπου Ἀντιοχείας κατὰ Ἱερουμίου ἐπὶ τῶν ἑρμηνειῶν διὰ τῶν ψαλμῶν. XXI. P. c. c. T. XVIII. col. 656.

³⁾ Твор. бл. Иеронима. 90 письмо къ Августину. Т. II. стр. 513.

⁴⁾ Книга о Св. Духѣ гл. 29. Твор. св. отца въ р. пер. Т. VII. стр. 344.

⁵⁾ De scriptor. ecclesiast. n. 30.

⁶⁾ VI, 38.

вищѣ ¹⁾), 8-й ²⁾ и 18-й ³⁾) Оригенъ припоминаеть изъясненія, которыя давалъ онъ, по словамъ бесѣдъ на Іеремію, недавно, на 21-й, 134-й и 140-й псалмы, чтобы тѣ, которые слышали, съ возможною полнотою припомнили то, что знаютъ, а тѣ, которые не были при изъясненіи, или забыли, узнали текстъ рѣчи, который тогда мы представляли. Въ 15-й бесѣдѣ ⁴⁾ на книгу Іисуса Навина Оригенъ припоминаеть изъясненіе 8 стиха 101-го псалма: *во утрои избавили вся грѣшныи земли.*

На книгу пророка Ісаии нынѣ существуетъ 9 бесѣдъ, а въ вѣкъ Іеронима ихъ было 25 ⁵⁾). На Іеремію въ вѣкъ Кассіодора ⁶⁾ и Робана Мавра ⁷⁾ было 45 бесѣдъ Оригена, изъ которыхъ до насъ сохранилась только 21 бесѣда, и отрывокъ 39-й бесѣды.

Изъ бесѣдъ на новозавѣтныя книги дошли до насъ одѣкъ бесѣды на Евангеліе Луки, по Іерониму свидѣтельству ⁸⁾), что онъ читалъ бесѣды Оригена и на Евангеліе отъ Маттея и насчитываетъ ихъ до 25. И бесѣды на Луку не всѣ дошли до насъ, хотя мы имѣемъ ихъ достаточное количество. Основанія для такого предположенія заключаются въ томъ, что у Оригена въ первыхъ тридцати трехъ бесѣдахъ разъясняются по порядку евангельскія чтенія, а послѣднія шесть представляютъ изъясненія, не связанныя послѣдовательностію текста, и значить, оторванные отъ большаго цѣлаго, заключающаго въ себѣ толкованіе всего текста Евангелія отъ Луки въ послѣдовательномъ порядкѣ. Что нѣкоторыя бесѣды Оригена на Евангеліе отъ Луки потеряны,—это видно еще изъ того, что Оригенъ въ своемъ комментарий на

¹⁾ In Libr. Regum L. II. P. c. c. T. XII. col. 1019—20.

²⁾ In Lev. L. VIII. n. 3. P. c. c. T. XIII. col. 339—340.

³⁾ N. XVIII in Lev. n. 10. P. c. c. T. XIII. col. 483—4.

⁴⁾ In L. Iesu Naveh. XV. n. h. P. c. c. T. XII. col. 904.

⁵⁾ Hier. Prooemium ad primum Comment. in Isaiam.

⁶⁾ De instit. divin. litter. c. 3. P. c. c. T. LXX. col. 1114.

⁷⁾ Praefatio in Ieremiam.

⁸⁾ Hier. Prooem. Comm. in Matthaeum.

Евангеліе отъ Матвѣя ¹⁾ и на Евангеліе отъ Іоанна ²⁾ припоминаетъ изъясненія, высказанныя имъ въ бесѣдахъ на Луку, какихъ нѣтъ и слѣда въ нынѣ существующихъ бесѣдахъ. Были бесѣды Оригена на Дѣянія Апостольскія, какъ доказываетъ отрывокъ изъ 4-й бесѣды, сохраненный въ 7-й главѣ Филокаліи. По свидѣтельству Іеронима ³⁾, различныя бесѣды сложились Оригенъ на посланіе къ Галатамъ. Евсевій свидѣтельствуетъ ⁴⁾ еще о бесѣдахъ Оригена на посланіе къ евреямъ, и представляетъ изъ одной изъ нихъ два отрывка.

Трудно указать съ точностію по отношенію ко всемъ бесѣдамъ Оригена, въ какомъ мѣстѣ произнесены были тѣ или другія изъ нихъ. Но въ нихъ есть свидѣтельства, дающія основанія заключать о мѣстѣ ихъ произнесенія. Такъ по указаніямъ, встрѣчающимся въ самихъ бесѣдахъ Оригена, бесѣды на книгу Левитъ ⁵⁾, сказаны были несомнѣнно въ Кесаріи палестинской; въ Палестинѣ, и вѣроятно въ той же Кесаріи произнесены были бесѣды на книгу пророка Іереміи ⁶⁾

¹⁾ Comm. in Matth. t. XIII. n. 29. P. c. c. T. XVI. col. 1173—4.

²⁾ Comm. in Ioan. t. XXXII n. 2. P. c. c. t. XIV. col. 741—2.

³⁾ Proemium Comm. in Epist. ad Galatas. Также въ тв. бл. Авг. на р. яз. Письмо къ Августину 90. Т. II, стр. 497.

⁴⁾ Ист. Церк. VI, 25.

⁵⁾ См. In Leviticum Bom. VII, n. 4. P. c. c. T. XII. col. 285. Здѣсь Оригенъ, говоря о чистыхъ и нечистыхъ животныхъ, по ассоціаціи представлений, упоминаетъ о людвигъ ам. Петромъ ковшица, наполненной разными нечистыми гадами и звѣрями, которыхъ Господь приказывалъ Петру заколотъ и ѣсть (Дѣян. X, 10—20), и о недоумѣніи Петра по этому поводу, и затѣмъ продолжаетъ: «когда онъ размышлялъ объ этомъ, пришелъ поставщикъ Корниліемъ соотникомъ изъ этого города, то есть, изъ Кесаріи въ Іерусалимъ».

⁶⁾ См. In Ieremiam, L. IX, n. 3. P. c. c. T. XIII. col. 354. Упомянулъ о клятвѣ Господа дать огнемъ народа вавилонскаго землю, кипящую медомъ и млекою, Оригенъ замѣчаетъ: «это не эта земля, обѣщавшая Поганъ, кипящая млекою и медомъ, а та земля, о которой Спаситель сказалъ: *близки кротамъ, яко тѣмъ наследуютъ землю*». Цитата показываетъ, что бесѣда произнесена была въ Палестинѣ.

и на книгу пророка Иезекииля¹⁾. Бесѣды на книгу Царствъ несомнѣнно произнесены были въ Иерусалимѣ. Въ первой бесѣдѣ на первую книгу Царствъ объ Елканѣ, Февелѣ, Аннѣ и Самуилѣ, Оригенъ упоминаетъ объ епископѣ (іерусалимскомъ) Александрѣ, хвалитъ его кротость и благость, о которой не онъ одинъ возвѣщаетъ, но которую всѣ (его слушатели) знаютъ по опыту, и приступая къ изъясненію книги, говоритъ о рѣчахъ этого кротчайшаго отца, замѣчая: „я знаю, что вы привыкли слушать сладкія рѣчи вашего отца, а деревья нашего насажденія любятъ нѣчто горькое на вкусъ, что однако по нашимъ молитвамъ можетъ превратиться въ спасительное лекарство.“ О прочихъ бесѣдахъ Оригена, на основаніи историческихъ данныхъ, можно высказать только одно общее положеніе, что большая часть ихъ произнесена въ Кесаріи палестинской, гдѣ долѣе всего жилъ Оригенъ по удаленіи изъ Александріи, меньшая въ Иерусалимѣ, а еще меньшая въ Кесаріи каппадокійской.

Нельзя также съ полною достовѣрностію опредѣлить время произнесенія и первоначальнаго изданія проповѣдей Оригена и указать хронологическій порядокъ ихъ появленія, хотя были попытки къ этому, напримѣръ у Гуэція²⁾. Основаніемъ и исходною точкою для разъясненія вопроса о времени произнесенія и первоначальнаго появленія бесѣдъ Оригена можетъ служить тотъ фактъ, что нѣкоторые изъ бесѣдъ

¹⁾ См. In Ezechielem, L. XI, n. 5. P. c. c. T. XIII. col. 751. Выраженія, здѣсь встрѣчающіяся, даютъ основаніе полагать, что бесѣды на книгу пророка Иезекииля произнесены тому же народу, который слушалъ изъясненія пророка Іереміи. Оригенъ воспоминаетъ о своихъ изъясненіяхъ на Іеремію и при этомъ говоритъ: „въ то время мы старались отвѣчать то, что намъ открыто было по молитвамъ нашимъ, или какъ мы понимали“. Предполагать, что тѣ и другія бесѣды произнесены въ Иерусалимѣ, трудно; потому что для этого требовалось продолжительное время; а по исторіи не видно, чтобы въ Иерусалимѣ Оригенъ жилъ такъ долго, какъ въ Кесаріи палестинской.

²⁾ Daniellii Haetii Origenianorum L. III, c. IV, n. 4. P. c. c. T. XVII. col. 1271—2.

Оригенъ самъ издалъ и на изданныя имъ бесѣды ссылаются въ другихъ своихъ твореніяхъ; а другія записаны со словъ его и изданы его почитателями, на что Оригенъ, по свидѣтельству Евсевія, дасть соизволеніе уже въ старости, когда ему было болѣе шестидесяти лѣтъ. Первые конечно принадлежать болѣе раннему періоду его жизни; а послѣднія, по ясной датѣ Евсевія,—послѣдному десятилѣтію его жизни. Къ первымъ принадлежатъ бесѣды на Евангеліе отъ Луки, на книгу Судей, и потеряныя бесѣды на Іова; къ послѣднимъ относятся бесѣды на Исаію, Іеремію, Іезекііля, на книги Моисеевы и на книгу Іисуса Навина.

По мнѣнію Іеронима ¹⁾, одно изъ самыхъ раннихъ произведеній Оригена—бесѣды на Евангеліе отъ Луки: въ нихъ, по словамъ Іеронима, Оригенъ играетъ словами какъ отрокъ, и бѣденъ мыслями. Гуэцій соглашается съ мнѣніемъ Іеронима и расположенъ видѣть въ бесѣдахъ Оригена на Евангеліе Луки произведеніе юношескаго возраста ²⁾. Произведеніемъ юношескаго возраста не могли быть эти бесѣды; такъ какъ Оригенъ не очень молодымъ началъ излагать съ церковной кафедры изъясненія на божественное Писаніе. Онѣ не могли быть произнесены раньше перваго пребыванія Оригена въ Палестинѣ, гдѣ мѣстные епископы, не смотра на то, что онъ былъ еще мірянинъ, просили его бесѣдовать и изъяснять св. Писаніе всенародно въ церкви ³⁾. А это было въ царствованіе Каракаллы, не ранѣе 215 года, когда Оригену было не менѣе тридцати лѣтъ. Но нельзя сказать съ рѣшительностію, чтобы онѣ произнесены были Оригеномъ въ его первое пребываніе въ Палестинѣ. Скорѣе онѣ сказаны были тогда, когда Оригенъ, послѣ рукоположенія въ пресвитеры, долженъ былъ удалиться изъ Александріи и войти въ составъ церкви палестинской, съ любовію его

1) Prologus in explanationem s. Lucae ab Origene. P. c. c. T. XI col. 1792—1800.

2) Orig. L. III. c. IV. P. c. c. T. XVII. col. 1272.

3) Ист. Евс. VI, 19.

принявшей. Тогда Оригену было болѣе сорока лѣтъ; такъ какъ въ пресвитеры рукоположенъ былъ онъ въ 228 году (родился онъ въ 185 году). Во всякомъ случаѣ бесѣды Оригена на Евангеліе отъ Луки могутъ быть признаны первыми изъ его гомилетическихъ трудовъ по времени своего появленія, и несомнѣнно Оригенъ самъ издалъ ихъ. На это есть указанія у самаго Оригена въ комментаріѣ на Евангеліе Іоанна и на Евангеліе Маттея ¹⁾. Правда, послѣдній комментарий, по свидѣтельству Евсевія ²⁾, сдѣланъ въ позднѣйшіе годы жизни Оригена. Но комментарий на Евангеліе отъ Іоанна, по свидѣтельству того же Евсевія ³⁾, — одна изъ первыхъ экзегетическихъ работъ его: съ Евангелія Іоанна Оригенъ началъ изъясненія Писанія еще въ Александріи и написалъ здѣсь первыя восемь книгъ своего комментарія на это Евангеліе. Ссылка на бесѣды, объясняющія Евангеліе Луки, встрѣчается въ одной изъ послѣднихъ книгъ, — 32-й (всѣхъ, полагаютъ, было 39). Время происхожденія этихъ послѣднихъ книгъ точно неизвѣстно; но нельзя думать, чтобы, начавши изъясненіе Евангелія Іоаннова, Оригенъ на долгое время прекратилъ эту работу. Вѣроятно, онъ продолжалъ ее, какъ только успокоился послѣ волненій, кація поднялись противъ него изъ Александріи по поводу рукоположенія его въ пресвитеры. Онъ кончилъ комментарий на Іоанна, еще не приступая къ изъясненію Евангелія отъ Маттея ⁴⁾, какъ полагаютъ ⁵⁾, около 238 года, послѣ Максимінова гоненія, о которомъ упоминаетъ въ XXII книгѣ этого комментарія. Значить, бесѣды на Еван-

¹⁾ Comm. in Matthaeum, t. 13. n. 99. P. c. c. T. XIII. col. 1173—4. Com. in Ioan. t. 32. n. 2. P. c. c. T. XIV. col. 741—2.

²⁾ Ист. VI, 36.

³⁾ Ист. VI, 24.

⁴⁾ Comm. in Ioan. t. 10. P. c. c. T. XIV, col. 361. Comm. in Matth. 16. P. c. c. T. XIII. 1441—2.

⁵⁾ Huetii Origen. L. 1. c. III. n. 6. P. c. c. T. XVII. col. 681.

геліе отъ Луки тогда уже существовали. Къ этому же приблизительно времени относятся и бесѣды на книгу Судей. Ихъ также, какъ и бесѣды на Луку, издалъ самъ Оригенъ, о чемъ упоминаетъ въ прологѣ къ комментарию на Пѣснь Пѣсней, отсылая читателя къ изданнымъ имъ бесѣдамъ на книгу Судей, для уразумѣнія смысла пѣсни Девворы ¹⁾. Толкованія на Пѣснь Пѣсней началъ Оригенъ, послѣ Максиміана гоненія, прежде 240 года. Поэтому появленіе бесѣдъ его на книгу Судей послѣдовало раньше этого года. Къ этому же времени должны быть отнесены изданныя самимъ же Оригеномъ и нынѣ утерянныя бесѣды на книгу Іова.

Къ псалмамъ Оригенъ обращался въ своихъ бесѣдахъ въ разное время; но большинство бесѣдъ на псалмы изъ поздняго періода. По свидѣтельству Епифанія ²⁾, приписываемому Гуэціемъ ³⁾, когда Оригенъ вскорѣ послѣ изгнанія изъ Александріи, пришелъ въ Іерусалимъ, чтобы видѣть слѣды Господа и Апостоловъ, соборъ пресвитеровъ и представители церкви просили его сказать учительное слово въ храмѣ. Оригенъ сталъ, взялъ книгу, прочталъ стихъ ХІХ псалма: *ириннику рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія моя, и воспріемлещи заповѣтъ мой усты твоими* (17)? и началъ по этому поводу бесѣду, въ которой такъ растрогался, что расплакался самъ и привелъ въ слезы всѣхъ присутствующихъ. Но это была бесѣда совершенно отрывочная, не связанная съ предъидущими и послѣдующими, и сказанная по особенному случаю. Бесѣдъ на псалмы изъ ранняго періода жизни Оригеновой не дошло до насъ. Нынѣ существующія бесѣды на псалмы всѣ пропнесены Оригеномъ въ старости. Въ бесѣдѣ на XXXVII псаломъ Оригенъ самъ называетъ себя старикомъ ⁴⁾. Первая бесѣда на XXXVI

¹⁾ Orig. in Canticum canticorum prologus. P. c. c. T. XIII. col. 78.

²⁾ Paeres. LXIV. c. 2.

³⁾ Orig. L. 1. c. 11. n. 17. P. c. c. T. XVII. col. 670.

⁴⁾ Hom. I in psalm. XXXVII. n. 1. P. c. c. T. XII. col. 1371.

псаломъ упоминаеть объ императорѣ, который съ такимъ блескомъ царствовалъ тридцать лѣтъ назадъ ¹⁾). Это относится къ императору Селеру, который погибъ 211 года; значитъ, бесѣда сказана послѣ 241 года. Первая бесѣда на XXXVII псаломъ цитуетъ мѣсто ²⁾ изъ комментарія Оригена на Маттея; а комментарий на Маттея написанъ Оригеномъ около 245 года,—шестидесятаго года его жизни, какъ свидѣтельствуеть Евсевій ³⁾). Пятая бесѣда на XXXVI псаломъ говорить о мирѣ, которымъ тогда наслаждалась церковь ⁴⁾). Это совпадаетъ со временемъ императора Филиппа, что ведетъ нашу мысль въ періодъ послѣ 245 года. Изъ недошедшихъ до насъ бесѣдъ на псалмы (XXI, CXXXIV и CXL) цитуются мѣста во второй бесѣдѣ на книгу Царствъ ⁵⁾, въ восьмой ⁶⁾ и восемнадцатой ⁷⁾ на Іеремію, откуда ясно, что бесѣды на эти псалмы предшествовали изъясненію въ церкви и книги Царствъ и книги пророка Іереміи. Въ обѣихъ ссылкахъ на изъясненія псалмовъ въ бесѣдахъ на Іеремію сказано, что тѣ изъясненія сдѣланы были недавно. Это даетъ намъ несомнѣнное право сблизать по времени бесѣды на псалмы съ бесѣдами на Іеремію. А бесѣды на Іеремію говорены послѣ 245 года, во время мира ⁸⁾, на который есть указаніе и въ бесѣдахъ на псалмы.

Затѣмъ и прочія бесѣды Оригена, нынѣ существующія, всѣ позднѣйшаго періода, то есть сказаны послѣ 245 года, когда Оригенъ, будучи шестидесятилѣтнимъ старцемъ, далъ позволеніе ученикамъ своимъ записывать за нимъ то,

¹⁾ Н. 1. in ps. XXXVI. n. 2. P. c. c. T. XII. col. 1323.

²⁾ Н. 1 in ps. XXXVII. n. 2. — — 1375.

³⁾ Ист. VI, 38.

⁴⁾ II. V in ps. XXXVI. n. 4. P. c. c. T. XII. col. 1362.

⁵⁾ P. c. c. T. XII. col. 1019—20.

⁶⁾ P. c. c. T. XII. col. 339—340.

⁷⁾ Ibidem, col. 483—4.

⁸⁾ Ном. IV in Ier. n. 3. P. c. c. T. XIII col. 287—290.

что онъ говорилъ въ церкви въ изъясненіе Писанія и назиданіе народу. Сюда принадлежатъ бесѣды на книгу Царствъ, на книгу Пѣснь Пѣсней, на книгу пророка Іереміи, вслѣдъ за которою Оригенъ изъяснялъ книгу пророка Іезекіиля ¹⁾. Къ тому же періоду относятся бесѣды на пятокнижіе Моисеево и на книгу Іисуса Навина. Ясныхъ указаній о времени произнесенія бесѣдъ Оригена на книги Моисеевы нѣтъ; но бесѣды на книгу Іисуса Навина произнесены послѣ бесѣдъ на книгу пророка Іереміи, какъ можно замѣчать изъ ссылки на мѣсто изъ бесѣдъ на Іеремію, встречающееся въ 13-й бесѣдѣ на Іисуса Навина ²⁾. Руэниъ въ прологѣ къ переводу бесѣдъ Оригена на Іисуса Навина свидѣтельствуетъ, что ихъ говорилъ импровизаціею въ церкви адамантовъ старецъ ³⁾. Въ девятой бесѣдѣ на Іисуса Навина упоминается о жесточайшемъ гоненіи на церковь ⁴⁾, что указываетъ на время Деція, при которомъ и Оригену пришлось пострадать за вѣру Христову, т. е. на конецъ 249-го или начало 250-го года. Можно полагать съ большою вѣроятностію, что изъ записанныхъ слушателями бесѣдъ Оригена прежде другихъ говорены были бесѣды на книги пророческія, потомъ на пятокнижіе Моисеево, а бесѣды на книгу Іисуса Навина служатъ послѣднимъ завершеніемъ его проповѣдническихъ трудовъ.

(Продолженіе будетъ).

В. Шивницкій.

¹⁾ Hom. in Ezech. XI. n. 5. P. c. c. T. XIII. col. 757.

²⁾ In Libr. Iesu Naveh XIII. n. 3. P. c. c. T. XII. col. 891.

³⁾ Prologus Ruf. ad Chromantium epist. in tract. Orig. super librum Iesu Nave. P. c. c. T. XII. col. 825—6.

⁴⁾ H. IX. n. 10. P. c. c. T. XII. col. 879.